

УДК 821.161.2:[394.25+398]

КАРНАВАЛЬНО-ФОЛЬКЛОРНЫЕ ТРАДИЦИИ В РОМАНЕ Ю. АНДРУХОВИЧА «РЕКРЕАЦИИ»

Л. Н. Скаковская

Тверской государственный университет
кафедра журналистики и новейшей русской литературы

В статье рассматривается роман современного украинского писателя Ю. Андруховича «Рекреации». Автор прослеживает воплощение карнавалльно-фольклорных традиций в произведении и вписывает прозаика в литературный процесс новейшего времени.

Ключевые слова: *карнавальная литература, традиция, фольклор, Ю. Андрухович.*

Творчество Юрия Андруховича, известного украинского поэта, прозаика, эссеиста, в последнее десятилетие завоевало популярность у значительной читательской аудитории как в Украине, так и за ее пределами. Западная критика определяет Андруховича как одного из самых ярких представителей постмодернизма. Его произведения переведены на 8 европейских языков. В 2000 г. первый роман Андруховича «Рекреации» был опубликован в журнале «Дружба народов».

Юрий Андрухович начал свою деятельность в составе поэтического кружка «Бу-ба-бу», название которого расшифровывается как аббревиатура слов «бурлеск», «балаган» и «буффонада». Его представители активно разрабатывают поэтику так называемого «карнавального» письма. Отличительной особенностью «карнавальной» литературы, как известно, является полное освобождение от исторических ограничений, она, как и фольклор, не требует и внешнего жизненного правдоподобия и характеризуется исключительной свободой сюжетного и философского вымысла. В произведениях, относящихся к этому направлению, самая смелая и необузданная фантазия и авантюра внутренне мотивируются, оправдываются с целью создавать исключительные ситуации для провоцирования и испытания философской идеи. В них органически сочетаются свободная фантастика, символика, мистико-религиозные элементы с откровенным натурализмом. Одна из основных особенностей «карнавальной» литературы – ее злободневная публицистичность.

Начав как поэт, Ю. Андрухович со временем обратился к такому эпическому жанру, как роман. Он автор своеобразной трилогии: «Рекреации», «Московиада», «Перверзия». Кроме оригинального авторского взгляда на мир и людей, эти романы объединяет ряд поднятых проблем и общие герои.

В них широко используется интертекстуальность, так называемый «текст в тексте». Автор «прочитывает» традиционные фольклорные образы и сюжеты, произведения предшественников, своеобразно переосмысливая их. Герои его романов живут в мире, пронизанном историческими культурными

реалиями. Роман «Рекреации», в котором отражается украинская литературная традиция, стал одним из значительных и интересных явлений современной национальной литературы.

Рекреации – это широко распространенные в европейской (в том числе русской и украинской) народной культуре карнавальные действия с песнями, танцами, чтением стихов и театральными представлениями. Андрухович описывает в романе Праздник Воскрешающего Духа в западно-украинском «призрачном Чертополе», куда приезжают четверо молодых поэтов: Орест Хомский, Ростислав Мартофляк, Гриц Штундера и Юрко Немирич. История на первый взгляд знакомая: на праздник-карнавал приглашены поэты (молодые, но уже известные), которые съезжаются из разных городов, а далее претерпевают ряд приключений, в основном «по пьянке». Город с символическим названием Чертополь и проходящий там Праздник Воскрешающего Духа поневоле заставят вспомнить бесчисленные фестивали и шоу, которые в последние десять-двенадцать лет приобрели необычайную популярность. Однако далее узнаваемые реалии начнут немного расплываться, гротескно сгущаться и анекдотически переворачиваться. Чертополь и впрямь начнет соответствовать своему названию, действие – обретать мистериальные черты, а мистерия – мешаться с реальностью, как в украинских народных сказках. Украинский сказочный фольклор имеет исключительно богатую по части демонологических представлений фантастику, (особенно в сказках, записанных на Галичине), и, как мы помним, он получил оригинальную интерпретацию в произведениях Н. В. Гоголя. Кроме того, украинский сказочный фольклор обладает исключительным богатством мотивов с разными оттенками комизма – от язвительной сатиры до мягкого юмора. Он до сих пор питает теми новую украинскую литературу и способствует распространению ходячего представления об украинском народном юморе.

Герои романа именуют разворачивающееся действие Праздником Воскрешающего Ху. Им кажется, что свобода, поэзия и любовь царят на этом карнавале. «Несвободные люди не могут создать свободный карнавал. Хочешь быть свободным – будь им» [1], – провозглашает Хомский. Ирония сквозит в этих словах, иронией пропитаны все страницы романа.

Выпив и хорошенько закусив, поэты разбрелись по ночному городу, влились в веселящиеся, дикие, безумные, фантастические толпы. Карнавал кружил и пел, плясал, завлекал и заманивал, все казалось прекрасным, добрым, возвышенным, но (как и в украинских сказках) под утро с происходящего вдруг как бы сползала маска, и являлось его истинное лицо. Поэтому наутро Мартофляк, пошедший за девочкой «с глазами, как черносливы» [1], проснулся в постели немолодой и некрасивой проститутки. И Гриц Штундера, чьи родители жили когда-то около Чертополя и были после войны сосланы в Караганду, нашел на месте исчезнувшего Сельца не старую церковь, о которой рассказывал ему отец, а недостроенную турбазу и труп убитого рэкетира Пети. А господин Попель, спонсор и благодетель, оказался чертом, аккуратным и цивилизованным европейским сатаной, чуть-чуть не сгубившим бессмертную душу Юрко Немирича.

Автор романа спорит с общепринятым в нашей литературе изображением талантливой творческой личности как безгрешного пророка.

Однако это совсем не означает эстетической сущности творчества изображенных в романе поэтов, которые оказываются не похожими на привычных граждан. Андрухович не отрицает ценности духовного мира каждого из них, строя свою концепцию личности на признании индивидуальности всех людей и свободы их поступков. Эта индивидуальность и свобода действий каждого писателя – персонажа романа – изображена на фоне всеобщего карнавала, который обязан своим существованием в том числе и темным дьявольским силам. Двойственность присуща и трактовке феномена творчества, что изображено в романе во всех своих противоречиях.

В романе показано, что карнавальные действа подавали совсем иной, подчеркнуто неофициальный аспект мира, человека и человеческих взаимоотношений: они строятся по ту сторону всего официального. Отрицание официальной, «господской» правды ведет за собой утверждение нового, более прогрессивного и усовершенствованного порядка, игнорируя учения. Этот главный мотив перевоплощения, воскресения прослеживается и в названии романа Андруховича (слово «рекреация» можно расшифровать как «возрождение»), и в названии основного действия произведения – Праздника Воскресающего Духа. Таким образом, заново родиться должен и целый мир (в особенности украинская культура), и каждый, кто попал на этот праздник. В соответствии с этими двумя уровнями возрождения, принцип карнавальности реализуется как в поэтике романа в целом, так и в конкретных сюжетных эпизодах.

В «Рекреациях» Ю. Андрухович демонстративно отказывается от привычного литературного языка. Писатель использует многочисленные разговорные, жаргонные и сленговые слова и выражения (*неслабо, дурхата, крейзуха, зашизел, лаж* и др.), свойственные современной молодежной речи. Он стирает границы между утопией, фантастикой и реальностью. Действие происходит в несуществующем городке Чертополь, появляется персонаж, пан Попель, который имеет демонические признаки, но вместе с тем читатель постоянно наталкивается на реалии тогдашней советско-перестроечной жизни.

Яркий момент, который помогает даже не очень эрудированному читателю ощутить карнавальность романного бытия, – это, конечно, описание праздничной процессии паломников, и действий, которые совершаются во время Праздника Воскресающего Духа на Рынке – главной площади Чертополя. Приведем фрагмент величественного списка участников этой процессии: «Это были Ангелы Божьи, цыгане, мавры, казаки, медведи, отцы Василианы в черном, жида, пигмеи, проститутки, черти, ведьмы, русалки, пророки, уланы, легионеры, пастушки, ягнята, калеки, сумасшедшие, прокаженные, паралитики на костылях, убийцы, разбойники, турки, индусы, сечевые стрельцы, волокиты, кобзари, металлисты, самураи, тунеядцы, сердюки, олейники, мамелюки...» [1].

Это список – не просто смесь случайной экзотики. Участники процессии представляют конкретные историко-культурные круги, которые включены в Возрождение Духа. Персонажи украинского вертепа, представители периодов создания украинского государства и ключевых национальных мифов (запорожцы, казаки, «сечевые» стрельцы), фигуры из библейской и классической традиции, фольклора, современной

международной субкультуры (хиппи, панки, металлисты). Таким образом, в карнавальной процессии формируется образ нового постперестроечного общества в рамках пространства и времени, а вместо советского культурного контекста возникают другие.

Как же повлиял карнавализованный Праздник Воскресающего Духа на каждого из четырех главных героев, которые были приглашены на него главным режиссером этого необычного действия? Отпускает ли праздник персонажей романа? Оказавшись в одиночестве, отдалившись от эпицентра карнавала, площади Рынок, они продолжают жить по законам карнавальной действительности. В событиях, происходящих с ними, присутствуют признаки карнавала: переодевание, фантастика, разрушение социальных устоев, декоронизация короля карнавала, самоирония и т. д.

Яркой особенностью карнавала является переодевание. Так, Гриц Штундера почти подсознательно находит для себя новый образ, который роднит его с героическим прошлым украинского народа: меняет прическу на оселедец, как у запорожцев, а одежду на стрелецкую униформу. Такая одежда отвечает не столько его внутренней воинственной сущности, сколько его душевному состоянию в тот момент. Дело в том, что Гриц меняет имидж перед тем, как отправиться искать место, где было его село, из которого депортировали семью Штундеры.

Приходится переодеваться и Юрко Немиричу. Его новую одежду, костюм с фраком и бабочкой для светской вечеринки, можно трактовать неоднозначно. Бросается в глаза контраст между поведением поэта и его внешним видом. Если вспомнить о неизлечимой болезни Немирича и о том, что нарядные господа и дамы на вечеринке на самом деле – мертвецы, этот контраст можно рассматривать как игру со смертью и протест против нее. Марта, жена Ростислава Мартофляка, также брошенная мужем на произвол судьбы ради компании собутыльников, оставшись в номере отеля наедине с Орестом Хомским, надевает вместо джинсов и свитера халатик на голое тело, решившись совершить единственный в своей жизни, пусть и нехороший, но поступок.

Карнавальная реальность романа не лишена и фантастики. Во время своего пути, пролегающего через лес, Гриц Штундера почти физически ощущает, что почти под каждым деревом прячется «враг народа», которого расстреляли во время сталинских репрессий. Юрко Немирич вообще попадает в обстоятельства, в которых невозможно отличить давно умерших людей от живых. Даже время вечеринки в Вилле с Грифонами другое – это начало двадцатого века.

Важным элементом карнавала является несоблюдение им каких бы то ни было социальных устоев и норм. Для персонажей «Рекреаций» этот элемент проявляется в сексуальном плане. Так, Ростислав Мартофляк, «надежда нации», «официальный поэт», будучи в нетрезвом состоянии, изменяет своей жене с тридцативосьмилетней проституткой. Однако и Марта проводит ночь с Хомским.

Ростислав Мартофляк – самый известный поэт среди четырех друзей, попадает в обстоятельства, которые ведут к детронизации короля карнавала. Сначала он пребывает в центре внимания молодежи, знакомой с его

творчеством и увлеченной им, но постепенно юноши и девушки, которые пригласили его к своему столу, теряют интерес к поэту, к его непонятным даже для него самого рассуждениям и просто исчезают. А дальше совершается полное моральное падение известного писателя – его ночные приключения в борделе. «Комнат в квартире было две. Вторая оказалась значительно большей, чем та, в которой ночевал Мартофляк. Собственно, он зашел сюда только в поисках глотка пива или какой-нибудь сигареты. В комнате спало человек двенадцать — не только на кроватях, но и на полу, среди пустых бутылок и разбросанной карнавальной одежды, они так и позасыпали в самом разгаре, лежа друг на друге и застыв в самых фантастических позах. Переполненная пепельница смердела, но Мартофляк нашел в ней довольно большой бычок и закурил. Пива не было.

Сомнений не оставалось: он попал в бордель, в современный совдеповский бордель...» [1].

Неотъемлемым признаком карнавального жанра является также двойное направление высмеивания – высмеивается и окружающий мир, и тот, кто его высмеивает. Этот принцип ярко иллюстрируют то, как Мартофляк воспринимает утром свои ночные приключения. В объекты его иронии включается и ситуация треугольника: он – Марта – Хомский. Поэта преследуют подозрения об измене жены, и он сопоставляет себя с героем многочисленных анекдотов о возвращении мужа из командировки. Ирония и самоирония включены и в, казалось бы, достаточно серьезный рассказ о Грице Штундере. Найдя на месте родного села недостроенный Центр международного туризма «Гуцулочка», он обращается с речью к потенциальным клиентам Центра:

«К вашим услугам также комфортабельные номера с ваннами и телевизорами, видеотелефонами, ресторан, бар, ночной бар, казино, плавательный бассейн, сауна, дискотека – и все это, смешно сказать, за каких-то тысячу долларов за ночь, разве это деньги <...> В программе отдыха – конные походы за перевал и дегустация вин. Фольклорный ансамбль «Золотые дрымбари» исполняет для вас гуцульские мелодии, а молодой поэт Грицко Штундера с козацким оселедцем почитает свои стихи» [1]. Кстати, каждого из писателей, героев «Рекреаций», автор наделил автобиографическими чертами. Поэтому общий иронический подтекст романа направлен и на него самого.

Показательна в романе сцена, когда все друзья-писатели и Марта собираются, наконец, в одном номере. Царит молчание. Этот момент противопоставлен началу романа, где показано веселье, почти языческое празднование ими своей встречи. Но теперь, пережив момент нахождения своей сути и символическую смерть в карнавале, каждый молчит. «Казалось, этот номер проклят молчанием. Даже если бы сюда ворвались еще два десятка поэтов, все равно пришлось бы молчать и тускло смотреть каждому в свой угол, каждому в свою ночь. Она стояла за плечами у каждого, глубокая и черная» [1].

«Путч» оказывается очередным сюрпризом карнавала, блефом, и это снова рождает в каждом из присутствующих ощущение свободы личной индивидуальности, заново рождает душу человека. Интересно, что именно здесь, в конце, а не раньше, наконец появляется главный режиссер праздника Павло Мацапура. Что касается этого персонажа романа, то читатели, знакомые

с украинской историей и литературой, наверное, знают, что такое же имя носит один из персонажей «Энеиды» И. Котляревского. Кроме того, такое же имя носил один из одиозных героев реальной украинской истории. Котляревский в примечаниях к «Энеиде» написал: «Павло Мацапура – нежинский полковой палач, казненный в 1740 г. за ядение человеческого мяса и прочия богопротивныя злодеяния» [3].

В романе «Рекреации» четко прослеживается сопоставление, противопоставление и, наконец, слияние двух начал – карнавального и личного. Эта оппозиция является одной из основных в произведении и служит для воплощения важной идеи возрождения и обновления национальной культуры и суверенности в стране, входящей в постсоветскую эру своего существования.

На Праздник Воскресающего Духа герои приехали не просто развлечься, но и читать стихи на вечере поэзии, до которого в романе, однако, дело так и не доходит. Это мероприятие стоит десятым пунктом среди других абсурдных мероприятий Праздника вроде «величавого митинга протеста» и «сакрального банкета».

Очень важно, что напоминанием Мацапуры об этом вечере заканчивается произведение, возвращая к реальности наших героев, только что переживших «воскресение» своего духа. Поэтому в последних фразах «Рекреаций», сказанных главным режиссером Праздника Воскресающего Духа, ярко проявилась двойственная суть феномена творчества, как оно понимается Андруховичем. По мнению писателя, это воскресение в квадрате (только дух, который умирает и рождается снова, может создать что-то новое) принуждает творца переступить через себя, чтобы донести свое творение до других, отказаться от себя только через собственное умение творить. Поэтому чтение стихов на стадионе «является гротескно-символическим изображением взаимоотношений поэта и общества, где поэт вынужден нести непосильно тяжелую, но обязательную повинность принадлежать обществу, этому грандиозному монстру, который может только разочаровать, но не понять» [4]. Таким образом, смысл окончания романа в том, что герои и их действительность переживают возрождение – рекреации. Автор не оставляет нам иллюзий – и они, и окружающий мир будут много раз заново рождаться. М. Гирняк называет это «неоптимистическим оптимизмом постмодернизма» [2], поскольку большего писателю не позволяет верность себе и сама действительность.

Благодаря символизации текста, использованию многочисленных аллюзий, реминисценций и иногда просто прямых цитат автор достигает символической многозначности текста.

Юрий Андрухович пытается отказаться от какой-либо единственно правильной точки зрения. Писатель не претендует на создание объективной модели мира, предлагая множество ее версий. Отдельные части произведения объединяются по принципу коллажа, не образуя структурного единства. Картина мира распадается на множество осколков. Писатель передает характерное для современного мировоззрения ощущение абсурдности, нереальности жизни. Стираются границы между реальностью и иллюзией. Писатель первым в современной украинской литературе представил образец

популярной сейчас карнавальной прозы, которая обладает жанровым и стилевым многообразием, равноправностью «высокого» и «низкого» в произведении.

«Рекреации» – это грустная украинская книга о судьбе, о смехе сквозь слезы, о зыбкости счастья, о призрачности надежды, о неоднозначности свободы, о «самостоятельности» разума, о вечности воскресающего в искусстве духа.

В этом произведении сполна отображен кризис личного «я» человека рубежа столетий, человека, который в поисках себя в себе, перебирая роли и маски, которые предлагает ему Жизнь-карнавал, впадает в мистификацию. В условиях мистифицированной действительности, когда все вокруг в конце концов оказывается миражом и ложью, каждый из героев переживает собственный путь страха и эгоизма.

Список литературы

1. Андрухович, Ю. Рекреации [Электронный ресурс] / Ю. Андрухович. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/druzhba/2000/4/andr.html> – Дата обращения: 08.09.2012. – Загл. с экрана.
2. Гирняк, М. Ігри з ідентичністю в романах Юрія Андруховича [Электронный ресурс] / М. Гирняк // Вісник Львівського ун-ту. Сер.: філологія. 2008. Вип. 44. Ч. 1 – Режим доступа: <http://www.nbu.gov.ua>. – Дата обращения: 23.07. 2012. – Загл. с экрана.
3. Котляревский, И. П. Энеида [Электронный ресурс] / И. П. Котляревский. – Режим доступа: http://lukianpovorotov.narod.ru/Folder_Kotlyarevskiy/Eneida_Kotl_Rus.html. – Дата обращения: 15.08. 2012. – Загл. с экрана.
4. Цапина, И. Феномен творчества в романе Ю. Андруховича «Рекреации» [Электронный ресурс] / И. Цапина. – Режим доступа: <http://www.zsu.zp.ua/99/>. – Дата обращения: 22.08.2012. – Загл. с экрана.

CARNIVAL FOLKLORE TRADITIONS IN THE Y. ANDRUKHOVYCH'S NOVEL "RECREATIONS"

L. N. Skakovskaya

Tver State University

The Department of Journalism and Modern Russian literature

The article deals with a novel of contemporary Ukrainian writer Yuri Andrukhovych "Recreation." The author traces the embodiment carnival folklore traditions in the work of writer and writes in the literary process of modern times.

Key words: *carnival literature, tradition, folklore, Y. Andrukhovych.*

Об авторах:

СКАКОВСКАЯ Людмила Николаевна – доктор филологических наук, профессор кафедры журналистики и новейшей русской литературы Тверского государственного университета (170100, Тверь, ул. Желябова, д. 33), e-mail: education@tversu.ru

Научная библиотека ТвГУ